

Юлия Лист
ПРОФАЙЛЕР

ТЫ УМРЕШЬ
В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

МОСКВА

**Читайте
психологические триллеры
Юлии Лист из цикла
«Следствие ведет профайлер»:**

Профайлер.
Ты умрешь красивой

Профайлер.
Ты умрешь влюбленной

Профайлер.
Ты умрешь в Зазеркалье

Юлия Лист
ПРОФАЙЛЕР

ТЫ УМРЕШЬ
В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л63

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каптыжиной*

Лист, Юлия.

Л63 Профайлер. Ты умрешь в Зазеркалье / Юлия Лист. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-223740-9

Едва Эмиль поднял на девчонку глаза, Вера четко осознала, что с этой минуты начнутся проблемы...

В Интернет врывается ролик: в музее Прадо незнакомец — по виду подросток, одетый во все черное, — идет сквозь толпу и бьет ножом посетителей, а следом бесследно исчезает...

Ноутбук в профайлинговом агентстве Эмиля Герши взламывают, прислав видео с боди-камеры мадридского убийцы. И пока Эмиль судорожно пытается отследить следы взлома, к нему является школьница Аксель Редда. Она ведет себя провокационно, явно пытаясь скрыть истинную причину своего визита. Эмиль шокирован экспрессией юной сумасбродки, так похожей на него самого...

Как связаны взлом компьютера и ее визит? Кто этот загадочный мадридский убийца? Разобраться в этом Эмилю поможет психолог из Петербурга Вера Максимова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лист Ю, 2025

© Оформление.

ISBN 978-5-04-223740-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

Две тени — обтянутая черным тонкая и юркая фигура убийцы и Эмиль, на голову выше, — сцепились на мраморном полу у стены и исчезли из поля зрения одного монитора, на котором транслировалась картинка с камер видеонаблюдения, сразу же возникнув на другом.

Все дружно перевели взгляды на экран, где отображался многоугольный зал. Под сводчатым потолком с лепниной и световым окном висели огороженные черной лентой картины. На светло-серых стенах яркими прямоугольниками выделялись полотна с портретами королей, принцев, герцогов и инфант кисти Веласкеса, в самом центре — знаменитые «Менины»¹.

Убийца вывернулся из рук Эмиля и попытался достать его ножом, ударив точной профессиональной рукой раз, другой, третий. У него была боевая стойка, а рука выстреливала, словно на пружине. Эмиль отскакивал от ударов вправо, влево, но не атаковал. Он что-то кричал, выпростав вперед раскрытые ладони, а его противник выстреливал ножом, пытаясь достать цель. И все это в абсолютном беззвучии

¹ «М е н и н ы», или «Семья Филиппа IV» — картина Диего Веласкеса, 1656 г.

немного кино — мониторы передавали цвет, но не звук.

Толпа посетителей музея Прадо, возбужденная и перепуганная этой странной сценой не то из «Матрицы», не то из «Человека-паука», отшатывалась от них, как от языков пламени. С ужасом люди уносились прочь из зала. Некоторые, потеряв способность ориентироваться в пространстве, натыкались друг на друга, прежде чем выскакивать в проемы, кто-то полз вдоль стен под полотнами, чтобы добраться до ближайшего выхода, кто-то снимал на телефон — Вера насчитала три или четыре вытянутых вверх гаджета. Контент для соцсетей — огонь, ничего не скажешь.

Эмиль и его соперник набрасывались друг на друга, взметались их руки-ноги, нож рассекал воздух. И будто был даже слышен свист лезвия через мониторы — воображение у тех, кто находился в комнате управления видеонаблюдением, разыгралось не на шутку. Вера зажимала рот рукой, сотрудники музейной безопасности, как истинные испанцы, жарко болели, что-то выкрикивая, вскидывая руками и ахая. Их начальник, отстегнув от пояса рацию, орал по-испански на своего зама, веля немедленно связаться с полицией.

— Почему он его не обезвредит? — обратился к Вере по-английски один из них. — Он же выше и видно, что опытнее!

— И этот не так прост, — ответил ему другой, из вежливости к Вере — тоже по-английски, но произнося звуки мягко, на испанский манер. — Ноги так и летают.

Убийца действительно хорошо работал ногами, Эмилю приходилось постоянно приседать,

чтобы не пропустить удар в голову. Но вот он изловчился подхватить его за стопу и повалить на пол. Противник ловко отпружинил от полированного мрамора руками и подпрыгнул, угодив в кольцо рук Эмиля.

Нож замер в опасной близости от их сплетшихся бедер. Эмиль опять отказался от атаки и принялся что-то кричать. Его рот беззвучно открывался и закрывался, лицо перекошило от ярости. Что он делает? Зачем теряет время и силы?

Черная тень убийцы, извиваясь, пыталась выскользнуть, но Эмиль выкрутил ему руку, заведя локоть за спину, и попытался вырвать нож. Противник подцепил того стопой под колено — оба рухнули, покотившись прямо под «Менины».

Начальник музейной безопасности припал ладонями к столу, бормоча что-то по-испански и периодически вытирая пот со лба. В тесной комнате было как в печке. Никто не замечал жары, все были прикованы взглядами к драке неизвестного с парижским детективом Эмилем Герши, будто это был финал Лиги чемпионов.

Эмиль навалился на соперника, тот ударил ножом — получилось в воздух. Голова детектива дернулась, он стукнулся затылком о раму картины, но точным ударом ладони выбил нож из обтянутой перчаткой руки.

«Менины» над ними опасно покачнулись.

Внутри комнаты управления видеонаблюдением все хором вскрикнули, синхронно подпрыгнув, точно во время матча. Убийца перекатился в сторону, подцепил с пола нож. Эмиль припал коленом и обеими ладонями к полу, выпростал ногу снизу вверх. Тот не успел укло-

ниться, получив в голову пяткой, отлетел и распластался на полу. Детектив набросился сверху, оседлав его, вырвал нож, отбросил далеко в сторону. Он держал противника за горло, но вдруг дернулся, как от электрического тока, скривился, и они опять сплелись на полу в опасной близости от самого крупного шедевра Веласкеса.

Некоторое время оба так и катались по полу темным клубком, взметались их руки-ладони то лопаточкой, то когтистой лапой, кулаки, ступни, они уворачивались, дергались из стороны в сторону, пытались достать друг друга головами. Особенно мелкий, с лицом, обтянутым то ли маской человека-паука, то ли чулком или балаклавой, — он бил как Депардьё в фильме «Папаши», норвя лбом попасть в переносицу. Эмиль в основном работал руками, его удары больше походили на то, что исполняла Ума Турман в «Убить Билла 2», когда училась у крутого китайского мастера в горах, — он бил по болезненным точкам: шея, ключица, солнечное сплетение.

Вера бросила взгляд на время, мерцавшее в углу экрана, — не прошло и двух минут, а казалось, это длится уже целую вечность.

— Маньчжурское кунг-фу, — пробормотал кто-то из сотрудников службы безопасности. — Эмиль Герши учился ему в Тибете! Читал про него в газетах. Хорош, чертяка!

Убийца вывернулся, попытался улизнуть — то ли за ножом, то ли и вовсе хотел удрать. Эмиль погнался следом. Черная тень взлетела вверх по стене, прямо у конного портрета принца Бальтазара, оттолкнулась, сделала сальто. Эмиль чудом увернулся, припав к полу. Наверное, они сильно

попортили картины: портрет принца сдвинулся, повиснув на честном слове, тот, что рядом, качался.

Ничем не вооруженная охрана в зале беспомощно толпилась в дверях в ожидании полиции. Они помогали людям покинуть место происшествия, скидывали руки, что-то беззвучно крича: очевидно, тоже болели за Эмиля. Никто не рискнул вступить с его противником в драку — все видели, какими боевыми навыками тот обладает.

Эмиль наконец дотянулся до него, толкнул в спину, поймал на лету, стиснул сгибом локтя горло, прижав к себе спиной. И они застыли, как пара фигуристов: ноги широко расставлены, колени согнуты, затылок неизвестного упирается в подбородок детектива.

Вера видела, как Эмиль, нависнув над ним, говорит что-то. Секунд на десять противник затых в его руках — слушал. Но дождавшись, когда Эмиль ослабит руку, впечатал локоть тому под ребра, развернулся в прыжке и подбил под подбородок носком стопы. Эмиль взмахнул руками, отлетел назад, тяжело рухнув на спину, и уже не встал.

Глава 1

«Крик»

Клиентов в детективно-профайлинговом бюро Эмиля Герши обычно принимал его дядя Юбер — бывший адвокат с тридцатилетним стажем. Даже за почти год работы Вера не сразу привыкла к странному устройству, правилам и принципам агентства, у которого была очень размытая сфера деятельности: от подсчета рисков внутри компаний, корпоративного профайлинга до поисков похищенных предметов искусства, расследований убийств и розыска мошенников.

Приемная располагалась на втором этаже углового дома на улице Л'Эшикье в квартире Юбера. Под нее был отведен шикарный кабинет-эркер с балконом. Поверх французского паркета лежал белый пушистый ковер, по углам расставлены креслица зеленого сукна, по форме напоминающие распустившиеся тюльпаны, на белых стенах с молдингами полотна импрессионистов — это были малоизвестные художники, но они все же обошлись Юберу в кругленькую сумму. Дядя Эмиля имел слабость к искусству и коллекционировал картины. Сам он восседал за роскошным антикварным столом, на котором бумаги, книги, папки и ноутбук были разложены в строжайшем порядке.

Утром в кабинет не проникали солнечные лучи, окна выходили на запад, зато из них открывалась потрясающая панорама на покрывало парижских крыш, утыканных дымоходами, на узкую улочку под июньским небом, зажатую между двумя лентами домов светлого камня с черепичными мансардами и балкончиками из кованого металла.

Была бы воля Веры, она бы ставила кресло против окна и сидела часами, наслаждаясь видом Парижа и неспешно попивая «кофе-дю-ле». Но увы, против окна приходилось устраивать клиентов, чтобы свет падал им на лица, а самой садиться спиной, чтобы камере, спрятанной на воротничке Веры, ничего не мешало снимать.

Бюро Эмиля Герши оказывало очень редкую для Европы услугу — корпоративный профайлинг. Сотрудников любой фирмы, организации и компании можно было просканировать в опросной беседе, чтобы позже подсчитать риски человеческого фактора, отследив девиации характера будущего сотрудника, оценить его привычки и нрав, определить, насколько он честен и склонен ли к мошенничеству. Иногда частные компании заказывали расследования хищений или хотели вычислить сотрудника, слившего секретную информацию.

Все эти скучные дела Эмиль свалил на свою новую сотрудницу, нанятую бюро в качестве психолога. Часами Вера занималась тем, что задавала вопросы и слушала ответы, пытаясь вычислить по мимике, жестам, голосу и сигналам вегетативной нервной системы, лжет ли ее клиент, кто он в таблице психотипов, способен ли занять пози-

цию жертвы, или же он классический паранойял и станет хорошим руководителем.

— Вы всегда следуете правилам информационной безопасности?

— В каких случаях вы бы оправдали коллегу за воровство?

— Насколько толерантно вы относитесь к фактам мошенничества среди коллег?

— Вам свойственно лгать?

— Какое наказание за хищение информации самое, на ваш взгляд, надлежащее?

И множество других вопросов в том же духе. Иногда беседа длилась весь день, иногда приходилось продолжать на следующее утро, в зависимости от тяжести корпоративного преступления. Если нужда состояла лишь в том, чтобы прощупать кандидата на должность или просчитать риски и предоставить психологический профиль, то час-два.

При этом молчаливой начальствующей тенью присутствовал Юбер, делая вид, что занят своими делами. Однако после того как Вера выпроваживала клиента, давал пару, обычно всегда очень точных, замечаний. Большая адвокатская практика делала его хорошим верификатором. Он бы и детективом стал отличным, но вид этой деятельности Юбера Герши несколько не привлекал. Основной его задачей оставалось вовремя оформлять сертификаты, страховки и обновлять лицензию на частную детективную деятельность Эмиля.

Если раньше Вера и задавалась вопросом, зачем такому блестящему адвокату прозябать от скуки в частном детективном агентстве своего

племянника, то за год вопрос отпал. Хотя ответа она толком не получила, возникли стойкие подозрения — Эмиль, его эксцентричная сестра Зоя, которая работала гидом в Лувре, и Юбер сотрудничали с секретными службами Франции. А агентству поручались, может, и не самые крупные, но уж точно запутанные и безнадёжные дела, с которыми полиции справиться не удавалось.

После вчерашнего случая с серийным убийцей из кафе «Пелотон» Вера долго не могла успокоиться и заснула только к утру, поэтому сегодня опросную беседу проводила вяло, едва не зевая и совершенно не следя за микровыражениями на лице миловидной девушки. Ту собирались нанять в престижную частную школу, директриса которой очень щепетильно относилась к набираемому штату и уже не раз обращалась к Эмилю Герши за советами и услугами.

Вера в очередной раз подавила зевок, не слишком понимая, что говорит молодая француженка с лицом морской свинки, в больших круглых очках, белой офисной рубашке и длинной фиолетовой юбке. Вся надежда была на Юбера и боди-камеру. Она сама позже просмотрит видео и вынесет свой вердикт, основываясь уже на нем.

На Эмиля надежды не было. Шеф отчетов не писал.

Эмиля Герши на самом деле совершенно не волновало, хорошо ли, плохо ли Вера справляется со своими обязанностями профайлера, его вообще не интересовало составление отчетов по корпоративному профайлингу. Он организовал его у себя в бюро, имея тайный резон. Все, чего он хотел, — видео с боди-камеры Веры, которые

пополнили бы его коллекцию. Их было так много, что они занимали около сотни внешних хардов с достаточно большой емкостью. Еще больше — скриншотов с этих видео, Эмиль распечатывал их и старательно подшивал в папки. Папками был уставлен огромный стеллаж в его кабинете, занимающий едва не всю стену.

Эмиль изучал эмоции, их проявления и психологию лжи. Он готовил огромную монографию, нацелившись попасть в один ряд с такими учеными, как Пол Экман, Клаус Шерер и Роберт Сапольски.

Он редко показывался у Юбера, прячась у себя двумя этажами выше. Его кабинет был острорядком аккуратности и порядка среди хаоса их с сестрой квартиры, в которой антикварная мебель стояла вперемежку с техникой, густо припорошенной пылью.

Главенствовали в его логове три огромных экрана: на одном всегда транслировалась видеоигра с анимешными персонажами, на других — какие-то таблицы. На идеально чистом рабочем столе без единой пылинки строго по линейке лежали клавиатура, мышка, провода, какие-то блоки, принтеры и книги с последними исследованиями по нейрофизиологии, нейрокогнитивистике, психобиологии, поведенческой психологии и даже генетике. Здесь Эмиль занимался написанием компьютерных программ, которые могли бы заменить детектор лжи, приложения он разрабатывал для Apple, но чаще для префектуры полиции и — уж точно — для секретных служб. Всяческие фейсридеры, определители психотипа по голосу, сканеры соцсетей, мес-

сенджеров и почты. Но самой вожаделенной его мечтой все же оставалось издание книги, которая бы включала все факторы, все аспекты, все нюансы психологии лжи.

Вера жила в скромной квартире под ними и часто слышала, как ее шеф, желая обдумать какое-нибудь сложное исследование, принимался отрабатывать длинные дорожки-упражнения по кунг-фу. В занимавшей весь этаж квартире Эмиль устроил зал для тренировок, пол его был выстелен татами, а стены сплошь увешаны китайским холодным оружием. В детстве и юношестве, до поступления в Национальную школу полиции Парижа, он был профессиональным спортсменом, занимал на чемпионатах призовые места и подавал огромные надежды стать одним из лидирующих в мире представителей этого боевого стиля.

Вера знала: если потолок дрожит, значит, Эмиль отрабатывает прыжки и удары или бегаёт по стенам. Чаше по ночам, поскольку ее странный шеф жил по совершенно внеземному режиму. Мог отключиться за компьютерным столом головой на клавиатуре минут на двадцать, мог неделю не спать, а потом отсыпаться сутками. В таких случаях Юбер даже начинал бить тревогу, пытаясь до него дозвониться и достучаться. В ходе детективной жизни шефа его паранойяльность возросла до небес: квартира запиралась сложными замками, в парадной и вокруг дома была понатыкана тьма камер, которые позволяли обозревать дом и улицу со всех сторон.

Вера проводила девушку к выходу, вернулась в кабинет бюро, сняла боди-камеру с воротничка и положила перед Юбером на стол.

— Надеюсь, она не серийная убийца, потому что я сегодня вообще не соображаю и плохо вела беседу. Посмотрите сами, Юбер?

— Эмилию нужен только материал. Пишите в отчете, что она не годится. Я бы и близко не подпускал ее к школе.

— Она что, и вправду похожа на маньячку? — удивилась Вера.

Юбер поднял одну бровь.

— Ее там съедят живьем. Она же просто мясо для коллектива и ребятишек!

Вера поразмышляла секунды три и пожала плечами.

— Вы так думаете? Я все же позже пересмотрю видео.

Сев в кресло, которое только что оставила будущая учительница, Вера развернулась к распахнутому настежь окну. Из него тянуло зноем и запахами нагретого камня и речной воды, которые перемежались с ароматами выпечки и кофе из кофеев снизу. Скоро обед, можно будет прогуляться до Люксембургского сада и перехватить какой-нибудь сэндвич, сидя на скамейке у фонтана Медичи.

Тренькнул смартфон. Вера автоматически полезла за ним в карман джинсов. Пришла рассылка от сотовой компании. Пальцы заскользили по экрану — скроллинг в интернете заменял ныне пасьянс и даже переключивание бусин на четках. Прочтя СМС, она залезла проверить мессенджеры, следом соцсети, в которых теперь держала лишь фейковые странички, периодически меняя аватарку с котиков на цветочки, с цветочков на морской пляж и изображение запотев-

шего бокала мартини, чтобы такие, как Эмиль, не смогли просчитать по аккаунтам ее психологический профиль. С паранойяльным начальником сам невольно становишься параноиком. Это ужасно заразно!

А ведь когда-то она, живя в Питере, была известным блогером с двенадцатью тысячами подписчиков, давала уроки французского и проводила онлайн-консультации по психологии, писала гайды для новичков. Какой-то неполный год назад... А по ощущениям — точно в прошлой жизни. Весь ее день проходил в охоте за открытыми парадными Северной столицы России для сторис и рилс, в прогулках по заброшенным усадьбам, в построении контент-плана, в приятном общении с аудиторией в прямых эфирах. Благодаря блогу она и получила приглашение от Эмиля!

Она приняла его, и... все лопнуло как пузырь. В ее жизни появился черный всадник. Он подлетел к столику кафе, что внизу, прямо на мотоцикле. Они рвали друг у друга ее телефон, а он орал, что Вера больше не имеет права выкладывать что-либо в Сеть и должна немедленно завязать с блогингом. Теперь она вспоминала этот момент с улыбкой.

Если бы Вера тогда могла знать, как легко взломать любую соцсеть и канал в мессенджерах, как легко вынуть душу любого пользователя! Эмиль сам писал утилиты для проникновения на странички в соцсетях и часто их использовал в детективной работе. Известность в интернете порой могла стоить жизни. Знай все это раньше, Вера никогда бы, ни за что на свете не выложила ни единой своей фотографии, не опубликовала ни еди-

ного слова. Хотя вычислить профиль по соцсетям можно, даже если тебя там нет. Человек, которого нет в соцсетях, — это, как правило, паранойял...

Отмахнувшись от мыслей и воспоминаний, Вера залезала в Ютуб. После смерти прошлого клиента — а его Вера до сих пор не могла забыть, — она часто просматривала новостную ленту в надежде что-нибудь узнать о жизни аукционного дома Ардитис, хозяйкой которого ед-ва не стала...

И тут ее сердце, сделав рывок к горлу, едва не остановилось. Она вскочила и села в кресле ровно, чтобы пересмотреть промелькнувший кометой перед глазами ролик из Прадо.

Незнакомец в черной водолазке, темном трико и маске, издалика похожий на черного человека-паука из «Врага в отражении», шел через переполненные залы мадридского музея и всаживал в случайных прохожих длинный острый нож.

Он двигался как ангел смерти, и посетители падали к его ногам замертво, он перешагивал через корчащихся от боли людей, через застывшие тела. Убил одного преградившего ему путь охранника, другого и исчез в дверном проеме, возникнув в следующем зале. Съемка велась сначала с одного ракурса, следом с другого — что-то снимали очевидцы, что-то было заснято камерами видеонаблюдения.

Голос диктора сообщал, что неизвестный, которого успели сравнить в Сети с персонажем из хоррора «Крик», убив четырнадцать человек, вошел в женский туалет и исчез. Музей был оцеплен, людей организованно вывели, но убийцу так и не нашли. В конце ролика призывали тех, кто

стал свидетелем подозрительных действий со стороны посетителей или видел что-то необычное, обратиться в мадридскую полицию.

Вера взглянула на Юбера, собираясь показать ему ролик, но тот, видимо, уже посмотрел. Адвокат сидел с белым лицом и расширенными глазами. Таким она его не видела никогда, а были случаи пострашнее ролика из Ютуба: вооруженные нападения, погони, в которых Юбер никогда не терял улыбки Луи де Фюнеса и французской браваурной беспечности. Сейчас же он сидел точно шпагу проглотил. Пальцы, легшие по обе стороны от его стального ноутбука, слегка подрагивали.

— Вы это видели? — Вера поднялась, протягивая ему телефон.

Юбер посмотрел на нее пустыми глазами.

— Видимо, да, — пробормотала она.

— Меня, кажется, взломали, — выдавил бывший адвокат и провел ладонями по седоватым, как у Пьера Ришара, кудряшкам.

Вера обошла стол, встав позади Юбера. На экране замер кадр из видео — стена с несколькими подсвеченными изнутри картинами. Вера узнала мелкий почерк Иеронима Босха и его триптих «Стог сена». Картину перегораживало искаженное страхом лицо женщины, пойманное в кадр крупным планом: короткая стрижка, морщины, серьги, похожие на индийские обереги. Она будто замерла в полете. А в нижнем углу виднелся кончик ножа с алой каплей крови.

— Что это? — выдохнула Вера и, не спросив разрешения, нажала на «пробел», запустив видео.

Но она тут же вернула «паузу», потому что кабинет огласил истошный вой, женщина упала,